

Сердце народа

Мы живем в пору, когда образуются традиции и обычаи новой социальной эры. Незаметно, на протяжении всех двадцати семи лет, они прочно впитывались в нашу кровь, речь и привычки. Так установилось, например, что октябрьский праздник начинается в канун великой даты, на торжественном заседании столичных депутатов. Этого часа страна ждет задолго до его наступления, хотя пробить там этот час—удел немногих. Как бы ни был обширен будущий Дворец Советов, вся она все равно не уместится в нем целиком. Миллионы будут и тогда присутствовать там лишь незримо, волей и сердцем. Зато в эту ночь неизбежные, от моря до моря, каша пространства становятся самым громадным залом из всех, какие способны построить всенародный и взволнованный людской гений. Настоящие звезды вкраплены в его кровлю, и под нею, плечом к плечу, стоят лучшие люди нашей земли, мастера жизни, подмастерья и их ученики: мы, советский народ.

Так повторится и завтра, когда на поле боя, а иной, омывтый от мира станет ареной творческой деятельности освобожденного человека. Уже никто не посмеет грозить нашим городам, сокровищам и малюткам. Кровавая была о последнем и скверном бунте обезьян отодвинется назад, в международный судейский архив и в школьный учебник, и только великодушная правда о народе-освободителе останется сиять в веках, затмевая сказания о Персее и Геракле. Он уже приблизился к нам, желанный и заслуженный праздник на нашей улице, который голосом Сталина предсказала нам история. Но заключительная страница гребывалой битвы за людскую радость еще не дописана, еще не испыт нами веселый хмель полной победы, а самые памятные и значительные минуты в нашем существовании—те, что предваряют счастье. Тем неповторимее, тем дороже нам осенний вечер сорок четвертого года, к которому мы навсегда сохраним суровую, солдатскую благодарную нежность.

В этот вечер история опять говорила с нами голосом вождя. Затаив дыхание, весь народ выжидал этому, самому точному и сокровенному знанию на свете. Как в магическом зеркале, он видел себя во весь рост и познавал историческую значимость своих исполинских усилий. Была как бы сдвинута мгла с будущего, и мы взглянули в него с высоты орлиного полета. Мы ликovali в эту ночь, гордые могуществом наших армий, что вывели бесчестный немецкий сброд за наши государственные границы. Всех нас—в цехах и клубах, в колхозах, на площадях затененных городов или далеко за Тиссой, у походных танковых раций—объединяло высшее чувство братской связи, выраженное в предельной преданности отчизне и вождю...

И ты также был с нами, безвестный наш воин, бессонно прошедший эту ночь в мокрой шинели на передовом дозорном пункте. Вместе со всеми нами ты слушал обстоятельный — а сердцу твоему казался такой краткий! — политический обзор, который Сталин открыл очередной советский год. И может быть, еще отчетливей, чем до нас, доходило до тебя простое, такое спокойное и любимое слово Родины. Пускай не было перед тобой черного волшебного диска, говорящего знакомым человеческим голосом, и ничего не было кругом, кроме затаившего товарища да холодного автомата под рукой, да ветреной восточно-прусской непогоды. Голос Сталина звучит везде, где живет и дышит советский человек, ибо сердце человеческое—вот, самый совер-

шенный инструмент для передачи мыслей и чаяний народных на любые, хотя бы сказочные расстояния!

И, вглядываясь во тьму затихшей фашистской берлоги, ты думал, верно, о том же, чем полны были и наши мысли:

— Веселись и пой нам снова, старая наша мать, как пела раньше. Вернись в свой освобожденный плодоносный сад, который заботливо садила твоя честная, потемневшая от труда и солнца рука. Ты проветришь и отмоешь дочиста опятный и просторный дом, загаженный дыханием временных поганых постояльцев. А мы застроим вновь недавние пепелища и, если потребуется, воздвигнем вдесятеро. Взгляни же на наши мускулистые руки, разорвавшие пасть зверя, и улыбнись богатырской молодости твоих сынов!

Несомненно, сразу на сотню земных наречий переводился октябрьский сталинский доклад, и уши всех радиостанций мира были устремлены в этот час к Москве. Конечно, с чувством должного удовлетворения выслушали наши боевые соратники высокую оценку своего воинского мастерства и размаха из уст знаменитейшего полководца современности. Забыл на это время прочную, многолетнюю и уже бесслезную скорбь, порабошенные народы также радовались приближающимся срокам освобождения. И мы уверены, равным образом, что были и незваные слушатели московского заседания, радиолазутчики—Германия.

Наверно, украдкой друг от друга, воровски прикинув ухом к эфиру, человекообразная шпана одновременно со всем человечеством внимала голосу истории. Они подслушивали, утратив представление о времени и не пропуская ни слова, а то, чего не понимали на чужом языке, им немедленно переводила их черная блудливая совесть. Скотского страха в их затаенном безмолвии было теперь вдесятеро больше, чем прежней животной ненависти,—страха полагам с пылливой любознательностью, ибо подлецу в особой степени свойственно интересоваться своей судьбишкой, какой бы жалкой она ни была. Хитрейшие из них отчетливо сознавали, что в последний раз слушают праздничный голос Москвы. В том же магическом зеркале новогорода с испариной ужаса они видели себя такими, как они станут выглядеть через год—в продолговатой деревянной упаковке, с удавкой на шее, и это будет последний военный расход Обединенных наций на разгром фашистской Германии.

Как наяву, видим мы на их вполне гнусных харях искалеченную и недоверчивую улыбку, с какой злодеи всегда выслушивают свой приговор, рассчитывая на какое-то внезапное чудо. Но единственное чудо на виселице—это когда рвется веревка над подделом; тогда ее заменяют свежей. Тиски сжимаются все теснее, беспощадные судьи заглядывают в окна, сама Германия превращается в громадный военный котел, и напрасно изворотливой звериной догадкой шарила она хоть трещинку в сплошной броневой стене Обединенного сотрудничества: нет там ни даже малой щели, куда могла бы пустить корешок ее надежда.

И вот смятение и отчаянье смерчем проходят по Германии, беженцы мечутся из края в край, волна самоубийств и сумасшествий снова потрясает обреченный притон всемирного злодейства... Но все это лишь начало!.. Погоди, Германия. Ты увидишь худшие времена, когда живые позавидуют своим законным жертвам. На твоей

грудь все мерзее будет разлагаться обвешенный человеческой фашизм, что соблазнил тебя легким промыслом международного разбоя, и самое растленное тело твое засмердит, наконец, потому что слишком глубоко ты приняла в себя его зловонное семя.

В свое время мы грудью приняли твой коварный и низкий удар исподтишка и не содрогнулись. Мы не кричали от боли, когда злодейский нож, всаженный в нашу Родину до самой Волги, рвал и крошил нам внутренности. Мы только бились молча в смертном бою и смотрели на Сталина, и добрый Сталин отечески смотрел на нас. И мы впитали в себя великую силу из этих очей, и притупилось наше горе, и даже женщины и дети наши разучились плакать об утратах. Горько звучит на языках наших народов имя твое, Германия! Никто не посмеет бы осудить нас теперь, если бы даже не справедливость, а лишь слепое свирепое мщение мы понесли в твои пределы. Посмотрим же, как выдержишь ты сама наш полновесный русский ответ, когда холодным зимним штыком мы пощекочем у тебя под сердцем. И помни: тройное горе упорству твоему, Германия, потому что сопротивленье судьям умножает степень преступления.

Мы будем бить крепко. В последней рукопашной схватке мы не растеряем наших обид из памяти, не посрамим чудесной славы наших павших героев. Наша берет! Стидную и многогрешную фашистскую пададь мы закопаем в тухлые курганы к срокам, поставленным нам историей. Тому порукой самые жизни наши и речь Сталина, которой, как клятве, внимало человечество. Он говорил нам о грядущей победе еще тогда, когда нам было плохо, когда самые честь и достоинство наши стояли под угрозой. Вчера он сказал нам о победе совсем близкой и возвестил, наконец, с высокой трибуны, что вот она свободна, вся теперь—милая наша земля, каждая морщинка которой орошена слезами и кровью предков, кровью и потом потомков. Здравствуй же, долгожданная радость освобождения! С верой в тебя уходила из нашей семьи Зоя, и Гастелло кидал с поднебесья свое грозное пламя на вражескую колонну, и Матросов юным сердцем затыкал амбразуру немецкого дзота. Ночь кончается, и продолжают суровые будни войны. Победоносное наше войско готово ринуться с последних исходных позиций на последний штурм самого подлецкого места на земле.

В лютых испытаниях мы заслужили это право—бросить перед атакой бранное слово в пошатнувшегося врага и вслух, в бесчестный раз произнести слово любви к нашим армиям, Родине и Сталину—самому простому и человеческому человеку на земле. Слишком многим обязаны ему все мы, героические современники мои! Высоко парит его крыло, далеко видит его око. Последний клочок ночи еще держится кое-где в Европе, а в словах вождя уже светятся отблески встающего солнца. Это и есть предвесье нового утра мира...

Вот почему сердце народное, как серебряный колокол старинного веча, звенит, поет и славит имя Сталина.

Леонид ЛЕОНОВ.

(«Правда» за 8 ноября)

Звено ефремовки Натальи Рудневой (колхоз «Красный пахарь» Обоянского района) собрало высокий урожай. Этого звена добились самоотверженным трудом. Только звеньевая имеет более 560 трудовых.

На снимке: Н. Руднева получает аванс—более 35 пудов хлеба. Фото В. Строева

Не прекращать вспашки зяби

БРАТЬ ПРИМЕР С КОЛХОЗОВ ГЛУШКОВСКОГО РАЙОНА, ВЫПОЛНИВШИХ ПЛАН ПОДЪЕМА ЗЯБИ

Подъем зяби в области проходит во много раз хуже, чем в прошлом году, хотя тогда колхозы находились в более трудных условиях: меньше было тракторов, живого тягла, нехватало плугов. Если в прошлом году к этому времени план подъема зяби был выполнен на 50 проц., то теперь, по данным на 8 ноября, лишь на 29 проц. Многие районы—Дмитриевский, Коньшевский, Свободинский, Фатежский, Бесединский не выполнили и 20 проц. плана зяблевой пахоты. В некоторых районах вспашку совершенно прекратили. В Тимском районе, например, вспахано под зябь только 1315 гектаров—9,5 проц. плана.

Если разобрать возможности Тимского района, то станет совершенно ясным, что причины срыва вспашки зяби отнюдь не в недостатке сил, на что привыкли ссылаться тимские руководители. В трех МТС—более 60 тракторов. Чтобы выдержать установленный план, достаточно было этими тракторами ежедневно пахать всего-навсего 220 гектаров. А вспахано? Почти ничего. Тимская МТС за все время вспахала под зябь только 8 гектаров! Недалеко от нее ушли Волобуевская и Сокольская МТС. В колхозах района насчитывается 330 рабочих лошадей, да у колхозников—около 300 коров. В районе достаточно плугов. Все это позволяло колхозам легко выполнять ежедневное задание по вспашке зяби на живом тягле—200 гектаров. Однако пахали в 5 раз меньше.

Эти данные говорят о том, что руководители района безразлично отнеслись к борьбе за урожай будущего года, повторили ошибку, которую они допустили на осеннем севе: не закрепили участков за звеньями, не организовали труд. Тогда, в сентябре, исполком областного совета объявил председателю райисполкома тов. Вабенкову выговор за плохое проведение севы озимых и предупредил его. Видно, что тов. Вабенков не сделал еще должных выводов, так как в районе попрежнему не пахут на коровах, мало применяют индивидуальную сделчину.

В этом отношении ценен опыт Глушковского района, закончившего подъем зяби. Здесь заботу об урожае будущего года взяли в свои руки звенья. Повсеместно применялась индивидуальная сделчина, с ежедневным учетом труда каждого пахаря, с премиальной оплатой за перевыполнение нормы. Все это обеспечило успех. 80 проц. зяби в глушковских колхозах поднято на лошадях и коровах.

Работать так, как глушковцы, могут во всех районах. Пока позволяет погода, на зяблевую пахоту необходимо подключить максимальное количество тягла. Ежедневно, бесперебойно пахать зябь—в этом задача!

18 центнеров зерна с гектара

БЕЛГОРОД. (Наш корр.) Еф. Труд, затраченный ефремовским звеном Акулины Сергеевны Фроловой из колхоза «Красная нива», Пушкинского сельсовета, нынешней весной посеяло рядовым способом 3 гектара ячменя. Когда появились всходы, звено произвело подкормку: 20 тонн навоза и 3 центнера суперфосфата на каждый гектар. В период кушения была произведена вторичная подкормка—2 центнера золы и 3 центнера куриного помета на гектар. Все лето посевы содержались в образцовой чистоте.

Звено добилося и хорошего урожая других зерновых культур. Озимой ржи собрано в среднем по 17 центнеров с гектара, проса —15 центнеров. А всего зерновых вышло по 18 центнеров с гектара при плане 7 центнеров с гектара.

За перевыполнение государственного плана урожайности звену тов. Фроловой выдано в дополнительную оплату 180 пудов зерна.

На колхозных птицефермах

Немецкие оккупанты безжалостно уничтожали колхозные птицефермы. Достаточно сказать, что после немцев в колхозах нашего района от нескольких тысяч голов домашней птицы едва осталось 26 голов.

За один год, со времени исторического постановления партии и правительства о восстановлении хозяйства в освобожденных районах, наши колхозы развели на своих фермах около 11 тысяч голов разной птицы.

Некоторые колхозы двели поголовье птицы до довоенных размеров. В колхозе им. Кагановича до войны было 380 голов, а теперь 778. Значительно больше довоенного стало поголовье в колхозе им. РККА, Яблоновского сельсовета. Колхозники этой артели обязаны своей птичнице тов. Судавцевой. Она—недавний работ-

ник, но ухаживает за птицей с любовью, со знанием дела. Тов. Судавцева выхаживала весь молодняк. Большую помощь ей оказывает колхозный животновод Н. Е. Емельянов. Можно назвать многие колхозы, где сейчас птиц больше, чем ее было до войны. Все это—результат огромной помощи, которую мы получили от родной советской власти. Лучшим нашим ответом на государственную помощь будет полное сохранение всего полученного молодняка птицы, дальнейшее увеличение поголовья на птицефермах, образцовая подготовка птичников к зиме и обеспечение их достаточным количеством фуража.

О. ЗАБАБУРОВА,

зоотехник Валуйского райземадела.

Забота о семьях фронтовиков

Колхозы Березовского и Грузчанского сельсоветов (Борисовский район) взяли шефство над районным детским домом, в котором воспитываются дети фронтовиков. Колхозы Березовского сельсовета выделили для своих

подшефников 100 пудов картофеля, двух поросят, 1500 рублей деньгами. Двух поросят и 500 рублей деньгами выделил для детдома колхоз имени Кирова Грузчанского сельсовета,

Школа комсомольского актива

Дмитриевский райком ВЛКСМ открыл при райкоме школу комсомольского актива. Школу посещает 26 человек. В качестве лекторов привлечены лучшие преподаватели по литературе, географии, истории ВКП(б) и другим дисциплинам.